

Научная статья

УДК 81'42

DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-136-154

Подражание в аспекте языкового лидерства

Марина Владимировна Шпильман

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

s.m.v@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3931-6515>

Аннотация

В статье рассматривается подражание языковому лидеру малой социальной группы как необходимый этап в развитии лингвокреативной способности языковой личности. На примере контекстов из художественной литературы, демонстрирующих подражание разным языковым лидерам, помимо основных, общих для них свойств — харизматичности и творческого использования языка, выявлены дополнительные факторы языкового лидерства: длительность «речевого давления» лидера на члена группы, возможность использования заимствованного слова за пределами группы. Выявлено, что подражание в разном возрасте имеет свою специфику, может быть неосознанным и сознательным, частичным или близким к точному копированию.

Ключевые слова

подражание, бытовое подражание, лидер, языковой лидер, языковая личность, лингвокреативность, языковая картина мира

Для цитирования

Шпильман М. В. Подражание в аспекте языкового лидерства // Критика и семиотика. 2026. № 1. С. 136–154. DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-136-154

© Шпильман М. В., 2026

Imitation in the aspect of language leadership

Marina V. Shpilman

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

s.m.v@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3931-6515>

Abstract

The article considers imitation of the linguistic leader of a small social group as a necessary stage in the development of linguistic creativity of a linguistic personality. Using the example of contexts from fiction demonstrating imitation of different language leaders, in addition to the main properties common to them — charisma and creative use of language, additional factors of linguistic leadership have been identified: the duration of the leader's "speech pressure" on a group member and the possibility of using a borrowed word outside the group. It has been revealed that imitation at different ages has its own specifics; it can be unconscious and conscious, partial or close to exact copying.

Keywords

imitation, everyday imitation, leader, linguistic leader, linguistic personality, linguistic creativity, linguistic worldview

For citation

Shpilman M. V. Imitation in the aspect of language leadership. *Kritika i Semiotika* [*Critique and Semiotics*], 2026, no. 1, pp. 136–154. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-136-154

Феномен подражания исследовался в рамках разных наук: философии, социологии, физиологии, педагогики, психологии и др. Что касается филологических исследований, то в теории литературы принято разводить подражание, заимствование, стилизацию, вариацию и влияние. Так, под подражанием понимается 1) цель искусства (в европейской эстетике от античности до XVIII в.), 2) поэтический жанр, в основе которого стилизация какого-либо авторитетного, свойственного культуре иной эпохи или страны жанра-образца, 3) один из типических способов воспроизведения чужого литературного стиля (наряду со стилизацией, вариацией и пародией) [Поэтика, 2008, с. 172–173]. В аспекте переводоведения подражание

является одним из приемов при переводе художественного текста на другой язык [Казакова, 2006].

Собственно лингвистических исследований подражания немного. Например, о подражании говорит М. В. Вербицкая в аспекте вторичных текстов, под которыми понимаются «произведения, характеризующиеся стилистической несамостоятельностью и, тем не менее, обладающие несомненной эстетической ценностью. Их авторы сознательно и последовательно воспроизводят характерные черты лингвостилистической и композиционно-образной организации другого произведения или произведений. Подражание стилистической манере другого писателя, произведения или литературного направления, воспроизведение особенностей функционального стиля или социально-психологического типа речи служит разным целям и приобретает разные формы» [Вербицкая, 2000, с. 3]. В этом случае подражание — то общее, что лежит в основе вторичных текстов, разновидностями которых автор называет пародию, перифраз и стилизацию, что сближает концепцию подражания М. В. Вербицкой с представлением о нем в литературоведении.

В отличие от представленных выше трактовок, мы рассматриваем так называемое *бытовое подражание* — подражание манере речи, интонации, поведению в целом конкретного человека. Такое подражание зачастую оценивается негативно, что выражается целым рядом синонимов с отрицательной коннотацией: *обезьянничать, попугайничать, подделываться, кривляться, передразнивать* и т. д. Языковая картина мира современного усредненного носителя русского языка, судя по данным ассоциативных словарей, отражает двойственное отношение к рассматриваемому явлению: нейтральное и — реже — положительное (*копирование, копия, мимикрия, повторение, подобие, сходство, повтор, пример, игра, похожий, схожесть, образец, эмпатия* и др. ¹) и резко негативное (*попугай, обезьяна, низкая самооценка, кривляние, зависть, мода, плагиат, гниение, заимствование, штамп* и др. ²). Такое отношение обусловлено самой природой

---

¹ Словарь ассоциаций русского языка онлайн. URL: <https://sinonim.org/as/> подражание (дата обращения: 10.12.2025).

² Там же.

подражания: с одной стороны, механическое копирование образца лежит в основе любого научения, творческое начало в этом случае исключено, самовыражение личности невозможно; с другой стороны, без этого этапа невозможно *креативное подражание* (термин Н. М. Гнатко), когда по мере формирования собственного «творческого Я» субъект переходит к самостоятельному творчеству, освобождаясь от идентификации с образцом [Гнатко, 1994].

Интересно, что ассоциации демонстрируют не только отношение к самому явлению, но и то, кому (1) и в чем (2) чаще всего подражают: (1) *актер, кумир, друзья, звезда, авторитет, родители*; (2) *поведение, поступок, внешность, мимика, интонация, стиль*³.

В рамках этой статьи нас интересует подражание языковому лидеру, поскольку, на наш взгляд, такой вид подражания является необходимой ступенью к созданию, выработке собственного своеобразного стиля языковой личности и творческого использования языка путем преодоления простого копирования образца.

Немногочисленные лингвистические работы, посвященные лидерству преимущественно в аспекте семьи как первичной социальной группы (см., например, [Милехина, 2018; Анохина, 2017; Байкулова, 2006; Занадворова, 2003]), свидетельствуют о том, что это явление изучено мало, тогда как его исследование, по нашему мнению, чрезвычайно перспективно, прежде всего в рамках изучения особенностей языковой личности подражателя, а также в аспекте исследования процессов освоения и присвоения чужого слова (см., например, [Чуйкина, 2008]).

Впервые термин *языковой лидер* использовал Л. П. Крысин в работе, посвященной исследованию речевого поведения говорящих в малых социальных общностях [Крысин, 1989]. На примере Н. В. Тимофеева-Ресовского из книги Д. Гранина «Зубр» ученый демонстрирует так называемое *речевое давление* (термин Л. П. Крысина) языкового лидера на членов группы:

Другие подражали ему с восторгом. Для меня же... Ведь я соприкасался с ним вплотную. Ближайший сотрудник. На меня давила его речь,

---

³ Там же.

интонация, словечки. Мы все повторяли за ним: «трёп», «душеспасительно», «душеласкательно», «это вам не жук накакал», «досихпорешние опыты», — прелесть, как он умел играть голосом, словами. «Кончай прят!» — в смысле пререкания. «Что касаемо в рассуждении»...

— Сплошной бонжур! — добавил я.

— Заметили? И это тоже. А жесты, а манера говорить. Голосище — труба громовая, всё на пределе чувств. Темперамент. При нем нельзя оставаться вялым, спокойным. Всё начинает резонировать. Самые упорядоченные, благонаправленные граждане возбуждаются. Также орут, ручками машут. Сила влияния или обаяния его личности была такова, что люди, сами того не замечая, перенимали его выражения, его манеры:

— Годами я говорил, интонационно подражая Энвэ, — признался мне Молчанов. — Я даже не сопротивлялся, а активно вживался в эту роль, обезьянничал [Крысин, 2004, с. 480].

Он отмечает, что выделяются разные лидеры для разных видов ситуаций: лидер в учебе, спортивный лидер и т. д. «Однако, — пишет Л. П. Крысин, — возможны и так называемые универсальные лидеры, главенствующее положение которых в группе не зависит от целей внутригрупповой деятельности и от вида ситуации. Влияние такого лидера на группу бывает обычно особенно велико, он служит объектом подражания со стороны членов группы, в том числе и в речевом поведении» [Там же]. Приведенный выше пример демонстрирует следующее положение: «„Речевое давление“ лидера на группу часто не осознаётся членами группы или осознаётся постфактум» [Там же].

Очевидно, что родители вольно или невольно становятся языковыми лидерами для своих детей, и чем больше восхищение личностью родителя, тем больше и охотнее ребенок подражает его речевому поведению, например:

Весь этот вечер мы с Джимом хохотали до упаду, потому что Аттикус с невозмутимым видом читал нам длинный рассказ про человека, который неизвестно почему взобрался на флагшток и не хотел слезать, и после этого Джим решил всю субботу просидеть в нашем домике на платане. Он забрался туда после завтрака и не слезал до захода солнца, не слез бы и на ночь, но Аттикус перерезал коммуникации и прервал снабжение. Весь день я лазила на платан и бегала обратно в дом по поручениям Джима, таскала ему книжки, еду, питье, а когда несла на ночь одеяло, Аттикус

сказал — если не обращать на Джима внимания, он слезет. И Аттикус был прав⁴.

В этом примере — речь Глазастика, шестилетней Джин Луизы Финч, избилующая словами из «языка завещаний и кодексов», на котором говорит их отец адвокат в том числе и с детьми. Глазастик перенимает манеру речи отца, причем делает это неосознанно, о чем свидетельствует отсутствие рефлексии относительно чужого слова.

В период становления личности подражание становится не только более осознанным, но и имеет ряд особенностей. Родители перестают быть авторитетом, поэтому чаще всего подростки подражают своим кумирам — музыкантам, спортсменам, киноактерам, но нередко объектами подражания становятся персонажи книг или фильмов. Такое подражание можно считать осознанным, поскольку копируется образ в целом: стиль одежды, причёска, походка, невербальное поведение, речь и т. п., что отражает относительно новое слово *косплеить*, пока не зафиксированное в академических словарях (в НКРЯ всего 65 примеров в подкорпусе «Социальные сети»), т. е. максимально точно имитировать, изображать какого-либо персонажа, используя его костюм, аксессуары, манеру речи и т. д., а также в ироничном смысле — подражать кому-либо: *И да, хватит косплеить худшие примеры игры лондонского Арсенала против менее именитых команд — штанги это красиво, но пора бы и в ворота попадать.*) [vk (30.11.2014)]⁵.

Всё это случаи подражания идеализированному объекту (реальному или вымышленному), однако нередко подростки подражают «лучшему среди равных» — неформальному лидеру их компании. Рассмотрим пример такого подражания.

Я помню, как он меня мучил и как я, однако, любил его. Он звонил утром по телефону ... «Да! — кричал я. — Это кто говорит?» Мне хотелось услышать его имя. Он не называл себя, а всегда придумывал что-нибудь замечательно остроумное. «Сэр, — говорил он, — я жду вас ровно в восемь

⁴ Ли Х. Убить пересмешника. М.: АСТ, 2025. 416 с.

⁵ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 12.12.2025).

пятнадцать под часами в среднем дворе, и извольте быть при шпаге. Я заколю вас, как зайца... Из вас выйдет превосходное жаркое, сэр!» — «А из вас, — кричал я, задыхаясь от счастливого хохота, — из вас, сэр, выйдет очень хорошая пожарская котлета! Вот именно, сэр! Такая зажаристая, в подскребочках, вкусенькая котлеточка, сэр!» Это было ужасно — я всегда ему подражал. В моей голове не рождалось ничего оригинального, а если и рождалось, то гораздо позже, чем нужно ⁶.

Рассказчик в повести Ю. Трифонова «Дом на набережной» вспоминает, как обожал своего друга и одноклассника Антона Овчинникова, которому подражал во всем. Интересно, что Антон совсем не был лидером в привычном смысле слова, наоборот, многие в школе относились к нему как к чудаку: он до холодов ходил в коротких штанах, закаляя организм, а на переменах «бронировал» ладонь — стучал ребром ладони по твердому. Однако главный герой повести Глеб и некоторые одноклассники считали его гением, потому что он был невероятно эрудирован и обладал талантами в музыке и живописи, а в круг его увлечений входили сочинение научно-фантастических романов и изучение различных наук. Но самое главное, что привлекало рассказчика, когда он был подростком, — это независимость Антона от чужого мнения, он не стремился быть лидером и казаться хорошим для всех, как Глеб.

Пример демонстрирует, что Антон тоже подражает манере речи героев рыцарских романов (обращение на «вы»; *сэр; извольте быть при шпаге*), однако он не копирует кого-то конкретного, а играет, уподобляя свою речь манере собирательного благородного рыцаря. Рассказчик же не способен на это, поэтому он практически дословно подражает Антону в том русле, которое тот задал: *жаркое* меняет на *пожарскую котлету*, что вместе со словом *сэр* звучит комично, поскольку это блюдо считается исконно русским. В других высказываниях рассказчика также заметны неловкие

---

⁶ Трифонов Ю. Дом на набережной // Трифонов Ю. Время и место. М.: Известия, 1988. С. 5–139. URL: <https://1001.ru/books/item/dom-na-naberezhnoi-26/1260> (дата обращения: 12.04.2026).

попытки подражания, например: *Сэр, что это значит? Я жду тебя, как дурак, а ты идешь через те ворота?*⁷

Лингвистическая креативность Антона проявляется в придуманной им классификации сверстников по уровню знаний, которую перенял и отчасти присвоил рассказчик (ср. в примере ниже *мы с Антоном*), чего сам Антон, судя по всему, не замечал, как и того, что ему подражали:

*Мы с Антоном называли **оглоедами** тех, кто ограничивал свои знания школьной программой, а **сверхоглоедами** именовали отличников. Это была совсем пропащая публика, в основном девчонки, но попадались и мальчишки, двое или трое каких-то жалких сморчков. Впрочем, и **осьминогов** — так назывались благородные и чистые рыцари науки, кого интересовало всё равно что, но непременно выходящее за рамки школьной премудрости, — было не так уж много. Ну, Антон Овчинников, ну, я, ну, может быть, еще одна или две персоны и единственная **осьминожица** среди девчонок — Соня Ганчук...*⁸

Таким образом, если маленькие дети неосознанно копируют взрослых, заимствуя их лексику и интонацию, то подростки подражают чаще всего сознательно, выбирая объектом кумира, на которого хотят походить, или лидера группы, в которой общаются. В последнем случае образцом становится равный по статусу подросток, превосходящий остальных какими-то качествами, которые ценятся в группе, — талантом, смелостью, силой и т. п. Подражание ему, как правило, имеет характер прямого повтора.

Случаи подражания языковому лидеру во взрослом возрасте тоже нередки, длительное общение с человеком, речь которого отличается выразительностью, ведет к тому, что заимствуются отдельные словечки, особенно меткие выражения. При этом важным оказывается сила обаяния языкового лидера и сила его речевого воздействия на адресата. К этому можно добавить универсальность использования чужого слова — возможность применения его за пределами малой группы, в которой происходит общение с лидером.

---

⁷ Там же.

⁸ Там же.

Так, на молодого Э. Фандорина из романа Б. Акунина*⁹ «Азазель»¹⁰ его новый начальник Бриллинг оказал настолько сильное воздействие за совсем непродолжительное время общения, что его слово *шеф*, его манера выражаться и демократичный способ общения с подчиненным не просто закрепились в речевом поведении Фандорина, но и стали через много лет копироваться уже его собственным помощником.

Так, 20-летний Фандорин полон энергии и желания прославиться как сыщик, но этот порыв постоянно сдерживается его наставником и начальником Грушиным, обладающим неспешной, обстоятельной манерой речи и поведения в целом. Его речь, с одной стороны, насыщена просторечиями (*ишь, калякать, штаны просиживать, больно [= очень], эка невидаль, резать [= убивать]*), с другой — содержит шаблонные витиеватые фразы (*извольте отчет закончить*); любимое обращение — старомодное *голубчик*:

Собирался Ксаверий Теофилактович строгость проявить, но передумал. Пусть мальчишка живой работы понюхает, поучится со свидетелями разговаривать. Может, и получится из него толк. Сказал внушительно:

*— Не запрещаю. — И, предупредив радостный возглас, уже готовый сорваться с уст коллежского регистратора, добавил. — Но сначала извольте отчет для его превосходительства закончить. И вот что, голубчик. Уже четвертый час. Пойду я, пожалуй, **восвояси**. А вы мне завтра расскажете, откуда приказчик про студента взял¹¹.*

Поэтому совершенно понятно, почему нового начальника, так не понравившегося Грушину, Фандорин принял восторженно:

*Чуешь, какая птица? Из новых, из разночинцев, человек будущего. Всё по науке делает. <...> **Звать** — Иван Францевич Бриллинг, статский*

⁹ Борис Акунин* (Г. Ш. Чхартишвили*) включен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов, а также включен Росфинмониторингом в перечень экстремистов и террористов и находится под следствием по статьям о фейках и оправдании терроризма.

¹⁰ Акунин* Б. Азазель. М.: Захаров, 2002. 338 с.

¹¹ Там же.

советник. *Это в тридцать-то лет!* Ну и началось у нас всё. Вот сегодня суббота, а с девяти утра на службе. И вчера до одиннадцати вечера всё совещались, схемы чертили. Помните буфетную, где чай пили? Там теперь вместо самовара телеграфный аппарат и круглосуточно телеграфист дежурит¹².

В отличие от Грушина, новый молодой начальник очень энергичен, использует технические новинки (телеграф), новые методы работы (*совещались, схемы чертили*), при этом с подчиненными прост в обращении. Он быстро говорит, моментально всё подмечает и анализирует, его речь, по сравнению с речью Грушина, современна. И Фандорина он не считает «мальчишкой», из которого не выйдет толка, а относится к нему как к равному и воспринимает всерьез, ср.:

— *Это дедуктивный метод, милейший Фандорин. Восстановление общей картины по некоторым мелким деталям. <...> А насчет Грушина, это совсем просто. Ваша хозяйка поклонилась мне чуть не до пола и назвала «превосходительством» — это раз. Я, как видите, на «превосходительство» никак не похож, да оным пока и не являюсь, ибо мой чин относится всего лишь к разряду «высокоблагородий» — это два. Никому кроме Грушина о своем намерении навестить вас я не говорил — это три. Ясно, что о моей деятельности господин следственный пристав может отзываться только недестно — это четыре. Ну, а телеграф, без которого в современном сыске, согласитесь, совершенно невозможно, произвел на всё ваше управление поистине неизгладимое впечатление, и умолчать о нем наш сонный Ксаверий Феофилактович никак не мог — это пять. Так? <...> Зовите меня Иваном Францевичем, а еще лучше просто «шеф», ибо работать будем вместе.*¹³

Фандорин не копирует Бриллинга прямо, он заимствует лишь слово *шеф* и способ аргументации, который довольно быстро присваивает. Пришедшее в русский язык из французского слово *шеф* (2. разг. То же, что начальник [МАС]) не только короче, но и свежее, при этом оно не просто

¹² Там же.

¹³ Там же.

синоним к слову *начальник* — им обозначается совершенно другой тип руководителя, т. е. Грушин — *начальник*, а Бриллинг — *шеф*:

— *А теперь скажите мне, когда вы могли бы приступить к работе? У меня на вас особые виды.*

— *Господи, да хоть завтра!* — пылко воскликнул Фандорин, влюбленно глядя на нового начальника, **то есть шефа**¹⁴.

Молодой Фандорин пылкий и восторженный, однако у него острый ум и практически безупречная логика, поэтому способ аргументации, который продемонстрировал ему Бриллинг, мгновенно перенимается его подчиненным, поскольку позволяет тому упорядочивать мысли и избавляться от эмоциональной составляющей, оставляя сухие факты:

— *Вы смотрите, Иван Францевич, какая картина получается. Бежецкая скрылась в Лондоне — это раз (он и сам не заметил, как перенял у шефа манеру выражаться). Дворецкий у нее англичанин, и очень подозрительный, такой прирежет — не поморщится. Это два. Белоглазый, что Ахтырцева убил, с акцентом говорил и тоже на англичанина похож — это три. Теперь четыре...*¹⁵

Другими словами, речевое давление лидера здесь минимально и одновременно, и подражание обусловлено не только восхищением лидером, его обаянием, но и потребностями самого Фандорина, поэтому он быстро и навсегда заимствует манеру аргументации и слово *шеф*, даже несмотря на полное разочарование в Бриллинге, оказавшемся замешанным в преступной схеме.

Спустя много лет Фандорин по-прежнему пользуется этой бриллинговской манерой, однако в несколько измененном виде: не столько для аргументации (как дедуктивный метод), сколько как способ размышления, упорядочивания мыслей. Эту манеру Фандорина его молодой помощник Тюльпанов называет *ежевечерними «разборами»*. Иначе говоря, чужое слово и манера выражаться присваивается языковой личностью, однако память об их авторстве не стирается, о чем свидетельствуют

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

авторский комментарий *Фандорин чему-то невесело улыбнулся* в следующем примере:

Вечером, подводя итоги длинного дня, надворный советник провел с Анисием совещание, которое назвал «оперативным разбором». Для Тюльпанова такая процедура была внове. Это уж потом, когда он привык, что каждый день заканчивался «разбором», понемногу осмелел, а в первый вечер большие помалкивал, боялся сморозить глупость.

— Итак, давайте рассуждать, — начал надворный советник. — Нотариуса Мебиуса, который никакой не нотариус, нет. Испарился. Это раз. — Нефритовая косточка на четках громко щелкнула. — Инвалида-благотворителя Шнейера, который никакой не благотворитель и вряд ли инвалид, тоже нет. Исчез бесследно. Это два. (Снова — щелк!)...

— ...Что вы об этом думаете, Тюльпанов?

Анисий, разом вспотев от напряжения, сказал неуверенно:

*— Мало ли, **ваши высокоблагородие**, кто их на самом деле прислал, телеграммы эти.*

*— Вот и я так думаю, — одобрил надворный советник, и у Тюльпанова сразу отлегло от сердца. — Достаточно знать фамилии петербургских корреспондентов, а телеграмму может отправить кто угодно и откуда угодно... Да, кстати. **Не зовите меня «высокоблагородием**, мы ведь не в армии. Достаточно будет имени-отчества, или... или **называйте меня просто «шеф»**, оно короче и удобнее. — *Фандорин чему-то невесело улыбнулся и продолжил «разбор»*¹⁶.*

Иная картина в случае языкового лидерства Н. В. Тимофеева-Ресовского, советского ученого-генетика, которого Л. П. Крысин приводит как пример языкового лидера. Анализ материала книги Д. Гранина «Зубр»¹⁷ показал, что его языковое лидерство определялось несколькими факторами:

— нестандартным словоупотреблением, чрезвычайной эмоциональностью оценок, преимущественно негативных, например: *Кое-кто пробовал*

¹⁶ Акунин* Б. Пиковый валет // Акунин* Б. Особые поручения. М.: Захаров, 2009. С. 5–162.

¹⁷ Гранин Д. Зубр. М.: Кн. Палата, 1988. 270 с. URL: https://elib.biblioatom.ru/text/granin_zubr_1988/p9/ (дата обращения: 12.04.2026).

за ним угнаться и быстро скисал. Он дразнил их: **слабаки! Недоноски!**; Фому между тем бранил нещадно за школьные промахи. **«Глуп, туп, неразвит, разве это учеба, одна грусть и тоска безысходная!»**;

— особенностями голоса и манеры речи, например: *Как он рассказывал, с каким **подмигом, рассыпчатым хохотом, как взгаркивал!** Магнитофонная запись всего лишь чертёж, переписанное в книгу — копия копии, тень рассказа;*

— инаковостью, способностью быть не таким, как все, при этом всегда оставаясь собой, например: *И держался он по-иному, чем все, — свободнее, раскованнее. Чувствовалось, что безоглядность присуща его натуре. Он позволял себе быть самим собою. Каким-то образом он сохранял эту привилегию детей. В нем были изысканность и — грубость. И то и другое соответствовало легендам о его аристократических предках и о его драках с уголовниками и др.*

Л. П. Крысин так писал о факторах, влияющих на способность быть языковым лидером: «Интенсивность, сила и глубина речевого влияния лидера на других членов группы обычно зависит от яркости личности лидера, от силы его характера, от умения влиять на умы и настроения окружающих и от других подобных личностных его свойств» [Крысин, 2004, с. 480]. Перечисленные выше особенности языковой личности Н. В. Тимофеева-Ресовского (НВ, как его называли ученики) в совокупности создавали именно такого безусловного лидера группы.

Рассмотрим подробнее необычное, нестандартное для ученого того времени и того уровня словоупотребление и его манеру общения в целом, поскольку именно этим особенностям чаще всего подражали ученики НВ.

Действительно, стереотипно ожидается, что образованный человек, интеллигент является эталонной языковой личностью (в понимании этого термина О. Б. Сиротининой, т. е. в аспекте типов речевой культуры [Сиротинина, 2003]): он говорит, соблюдая грамматические, орфоэпические, стилистические и др. языковые нормы русского языка и в этом смысле является образцом для подражания. Однако речь Тимофеева-Ресовского абсолютно не такая: в ней часто встречаются просторечия, диалектизмы, ругательства, грамматически неправильные фразы, нестандартное словообразование, стилистически спорное словоупотребление — т. е. всё то, что с точки зрения культуры речи никак нельзя назвать эталоном: *трёп, супок*

(суп), *учинять шпацир* (прогулка), *орать*, *дурак*, *недоноски*; *Что касаемо в рассуждении; сплошной бонжур* и т. д.

Интересно, что именно это и делало речевое поведение Н. В. Тимофеева-Ресовского живым, ярким и запоминающимся. Вдобавок к этому его мощная харизма, чрезвычайно экспрессивная манера речи вкупе с громовым голосом, юмор, умение удерживать внимание аудитории, широкая эрудиция завершали образ языкового лидера, сила речевого давления которого на собеседников оказывалась чрезвычайной, поэтому длительное время общавшиеся с ним — ученики, коллеги — вольно или невольно начинали ему подражать, причем заимствовались именно такие «неправильные» словечки и фразочки: *трёп*, *душеспасительно*, *душеласкательно*, *досихпорешние опыты* и т. д.

Объектами для подражания была прежде всего интонация (*Годами я говорил, интонационно подражая Энвэ*) и манера выражаться. Подражание при этом подразумевает и точное копирование (например, интонации, манеры речи), и заимствование чужого слова с последующим его освоением и присвоением (например, *биотрёп* или *дрозсоор*), и действия по модели, по образцу, как в следующем примере:

*Мыслью я так же, пристрастия те же. Твержу, что Рафаэль красивист, что корреляция — не причинная связь, а совпадение — падение сов, и тому подобную чушь повторяю, ступаю след в след. То самостоятельное, что добывал, мною же добровольно превращалось в продолжение его взглядов*¹⁸.

Большинство подражателей с удовольствием осознанно копировали Зубра, ср. о Молчанове:

Его это не тяготило, у него не возникало комплекса Демочкина. Он подражал охотно, как и другие.

— Меня не волновала проблема обезьянничанья, — продолжал он. — Бывали у меня периоды, когда я прекрасно имитировал Энвэ, потом это исчезало.

Главным было — перенимать его мысли. Происходило запечатление, импринтинг — есть такой термин в генетике, запечатление на таком

¹⁸ Там же. С. 154.

*глубоком уровне, что спустя десятилетия мне воспроизводили его слова, его выражения, как он вскакивал, носился взад-вперед, как свирепел, добрел...*¹⁹

Однако не все ученики Зубра мирятся с таким давлением на собственную личность. Так, выведенный в книге как Д., один из учеников Тимофеева-Ресовского считал, что учитель, с навязываемым всем способом видеть мир, разрушает его самобытность:

*Я вдруг опомнился, услышал, как я повторяю его. Меня нет. Вместо меня с ней ходит он. Мыслью я так же, пристрастия те же. Твержу, что Рафаэль красивист, что корреляция — не причинная связь, а совпадение — падение сов, и тому подобную чушь повторяю, ступаю след в след. То самостоятельное, что добывал, мною же добровольно превращалось в продолжение его взглядов. Я терял себя. Неповторимое свое. Он подчинял меня всё сильнее. Это становилось невыносимо. Вы скажете — внешне. Нет, это мышления касалось, он мне в череп запускал свои щупальца. Я пытался бунтовать. Начну что-нибудь поперек, он заорет, мою мыслешку незрелую, первый росток выдернет, препарирует, покажет, что надо совсем не так, как я полагал, высмеет, оставит кострище, горелое место. Назад некуда вернуться, дым и вонь. Я — тень, я — копия. Ценность копии в чем? В ее приближении к оригиналу. Чем меньше от него она отличается, тем лучше. То есть никакой самобытности.*²⁰

Иными словами, для некоторых людей речевое давление и давление харизмы Тимофеева-Ресовского приводило к тому, что человек уже не мог отделить свою личность от личности лидера, терял свою самобытность. Большинство учеников НВ, копируя его, в какой-то момент отталкивались от образца и создавали что-то свое, т. е. копирование переходило в этап креативного подражания, с Д. такого не произошло.

Таким образом, на примере рассмотренных вариантов языкового лидерства можно утверждать, что общим для любого языкового лидера является харизматичность и лингвокреативность, дополнительными факторами выступают длительность речевого давления лидера на группу

¹⁹ Там же. С. 205.

²⁰ Там же. С. 154.

и возможность использования заимствованного у него за пределами малой социальной группы. Например, тимофеевское слово *дрозсоор* — «совместное орание о дрозодиле», — ставшее названием научного семинара, очень быстро распространилось среди его участников, но за рамками этого контекста использование этого слова оказалось невозможным, тогда как *трён* в значении 'неформальное обсуждение научной проблемы' или *орать* в значении 'работать' имели возможность широкого распространения и длительного употребления за пределами малой группы. Думается, можно отметить также фактор «замещения лакуны», как в случае с Фандоринным: заимствуется то, в чем была потребность.

Подражание языковому лидеру может быть абсолютно неосознанным, как в случае копирования детьми родителей или других значимых взрослых; может быть осознано постфактум, когда человек длительно подвергался речевому давлению и постепенно и незаметно для себя перенял отдельные слова и фразы, интонации лидера; может быть полностью осознанным, когда, к примеру, подросток старательно повторяет манеру речи кумира, пытаясь во всем на него походить. При этом стоит отметить, что слишком длительное и подробное подражание лидеру в какой-то момент может привести к потере самобытности и отторжению заимствованного.

Таким образом, можно говорить о том, что в развитии лингвокреативности подражание языковому лидеру является необходимым этапом, однако далеко не во всех случаях такое подражание обязательно приводит к возможности собственного творческого использования языка — некоторые люди так и остаются всего лишь подражателями.

Список литературы

Анохина В. С. Речевое лидерство в семье: критерии выделения и средства выражения // Восточно-европейский научный журнал. 2017. № 802 (24). С. 40–43.

Байкулова А. Н. Речевое общение в семье: автореф. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 20 с.

Вербицкая М. В. Теория вторичных текстов: автореф. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 48 с.

Гнатко Н. М. Проблемы креативности и явление подражания. М.: Изд-во ИП РАН, 1994. 117 с.

Занадворова А. В. Отражение социальной дифференциации языка в языковой жизни малых социальных групп (на примере семьи) // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 277–340.

Казакова Т. А. Художественный перевод: в поисках истины. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского ун-та, 2006. 224 с.

Крысин Л. П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) // Язык и личность / отв. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1989. С. 78–86.

Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.

МАС — Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1981–1984. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 14.11.2025).

Милехина Т. А. Коммуникативный лидер: штрихи к речевому портрету // Проблемы речевой коммуникации: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 18. Книга II. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 2018. С. 77–90.

Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.

Сиротинина О. Б. Характеристика типов речевой культуры в сфере действия литературного языка // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М. А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. Вып. 2. С. 3–20.

Чуйкина Е. А. Освоение нового слова: саморефлексия говорящего субъекта // Сибирский филологический журнал. 2008. № 4. С. 205–209.

References

Anohina V. S. Rechevoe liderstvo v sem'e: kriterii vydeleniya i sredstva vyrazheniya [Speech leadership in the family: selection criteria and means of expression]. *East European Scientific Journal*, 2017, no. 802 (24), pp. 40–43. (in Russ.)

Bajkulova A. N. Rechevoe obshchenie v sem'e [Speech communication in the family]. The abstract of Cand. of Sci. (Philol.) diss. Saratov, 2006. 20 p. (in Russ.)

Chujkina E. A. Osvoenie novogo slova: samorefleksiya govoryashchego sub'ekta [Mastering a new word: self-reflection of the speaking subject]. *Siberian Philological Journal*, 2008, no. 4, pp. 205–209. (in Russ.)

Gnatko N. M. Problemy kreativnosti i yavlenie podrazhaniya [Problems of creativity and the phenomenon of imitation]. Moscow, IP RAN, 1994. 117 p. (in Russ.)

Kazakova T. A. Hudozhestvennyj perevod: v poiskah istiny [Artistic translation: in search of the truth]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2006, 224 p. (in Russ.)

Krysin L. P. O rechevom povedenii cheloveka v mal'nykh social'nykh obshchnostyakh (postanovka voprosa) [On human speech behavior in small social communities (raising the question)]. In: *Yazyk i lichnost'* [Language and personality]. Ed. by D. N. Shmelev. Moscow, Nauka, 1989. Pp. 78–86. (in Russ.)

Krysin L. P. Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sociolingvistike [The Russian word, one's own and somebody else's: research on the modern Russian language and sociolinguistics]. Moscow, *Yazyki slavyanskoj kul'tury*, 2004, 888 p. (in Russ.)

Milekhina T. A. Kommunikativnyj lider: shtrihi k rechevomu portretu [The communicative leader: touches to a speech portrait]. In: *Problems of speech communication: inter-university collection of scientific papers. Issue 18. Book II.* Saratov, Saratovskij nacional'nyj issledovatel'skij gosudarstvennyj universitet imeni N. G. Chernyshevskogo, 2018, pp. 77–90. (in Russ.)

Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatij [Poetics: dictionary of current terms and concepts]. Ed. by N. D. Tamarchenko. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoj; Intrada, 2008. 358 p. (in Russ.)

Sirotinina O. B. Harakteristika tipov rechevoj kul'tury v sfere dejstviya literaturnogo yazyka [Characteristics of types of speech culture in the sphere of literary language]. In: *Problems of speech communication: inter-university collection of scientific papers.* Ed. by M. A. Kormilicyna. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2003. Issue 2. Pp. 3–20. (in Russ.)

Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. In 4 vols. Ed. by A. P. Evgeneva. Moscow, Russkii yazyk, 1981–1984. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (accessed 14.11.20025). (in Russ.)

Verbickaya M. V. Teoriya vtorichnyh tekstov [The theory of secondary texts]. The abstract of Doct. of Sci. (Philol.) diss. Moscow, 2000. 48 p. (in Russ.)

Zanadvorova A. V. Otrazhenie social'noj differenciacii yazyka v yazykovej zhizni malyh social'nyh grupp (na primere sem'i) [Reflection of social differentiation of language in the linguistic life of small social groups (on the example of the family)]. In: *Sovremennij russkij yazyk: social'naya i funkcional'naya differenciaciya* [Modern Russian language: social and functional differentiation]. Ed. by L. P. Krysin. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003. Pp. 277–340. (in Russ.)

Информация об авторе

Марина Владимировна Шпильман, кандидат филологических наук, доцент

Information about the Author

Marina V. Shpilman, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 12.01.2026;

одобрена после рецензирования 05.02.2026; принята к публикации 13.04.2026

The article was submitted on 12.01.2026;

approved after reviewing on 05.02.2026; accepted for publication on 13.04.2026